

О ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПАМЯТНИКОВ УДМУРТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XIX ВЕКА

В последние десятилетия в финно-угорском языкознании заметно повысился интерес к изучению памятников письменности. Исследование памятников удмуртской письменности XVIII в. показало их немалую значимость для истории удмуртского языка. Но из-за недостаточного изучения памятников XIX в. роль последних в истории языка еще не оценена. Рассмотрение языка отдельных памятников XIX в. проходило в несколько иной плоскости — в выяснении отдельных диалектных черт, не учитывая стремление к общенародности, к нормированности. Таким путем утверждалось, что каждый памятник удмуртского языка создавался исключительно на определенном диалекте. Или, не обнаруживая в исследуемых текстах главный признак литературного языка — его нормированность, равную с нормированностью современного литературного языка, делался вывод об отсутствии литературного языка для того периода вообще.

Но необходимо иметь в виду, что соотношение литературного языка и территориальных диалектов на разных этапах развития языка не остается одним и тем же, оно со временем изменяется (Ярцева 1968:61). Определяя дифференциальные признаки литературного языка, необходимо также принять во внимание, что «литературный язык — категория историческая: степень обработанности, строгость отбора и регламентации могут быть неодинаковыми не только в разных литературных языках, но и в разные периоды истории одного и того же языка; не тождественны в разных языках и в разные периоды истории одного языка распределение и закрепление отдельных форм существования языка за той или иной сферой общения, с чем, в свою очередь, связана и большая или меньшая функциональная нагрузка литературного языка» (Общее языкознание 1970:502).

Если допустить, что каждый памятник XIX в. написан на определенном диалекте, то возникает вопрос, каким образом был достигнут тот предел, что язык их был одинаково понятен

носителям языка большинства местностей? Например, о переводах 1880-х годов, которые читались среди удмуртов и Пермской губернии, и Елабужского, и Малмыжского, и Глазовского, и Сарапульского уездов Вятской губернии, как понятных и не вызвавших возражений, высказывался И. С. Михеев (1900:194).

Общепонятность возможна, во-первых, при небольших территориальных различиях языка, во-вторых, благодаря стремлению составителей текстов к общепонятности, наддиалектности. Уже в правила переводческой комиссии, созданной в 1867 году при братстве св. Гурия, было включено составление особой комиссии для рассмотрения переводов и требование общедоступности, т. е. народности языка перевода (Никольский 1905:141). С другой стороны, на небольшие различия между удмуртскими диалектами указывали и переводчики (Вят. Еп. Вед. 1902, П, 95). Проф. Н. В. Никольский язык удмуртов делит на две группы — глазовскую и мамадышскую и указывает в них массу говоров и подговоров. «Несмотря, однако, на различие в языках,— отмечается им,— вотяки без особенного труда понимают друг друга» (Никольский 1914:174). На этот факт указывают и некоторые современные исследователи удмуртского языка. Например, В. И. Алатырев подчеркивает, что пометы о переводе произведений на казанское или глазовское наречие «особого практического значения не имели, ибо переводы, с указанием «глазовское наречие» почти в одинаковой мере понимались удмуртами, которые относились к «казанским», и наоборот. Это объясняется тем, что между северными («глазовским наречием») и южными («казанским наречием») существенных различий в области основного словарного строя нет» (Алатырев 1956:62).

При всех небольших различиях диалектов анализ текстов того периода показывает деятельность их составителей по нормализации письменного языка. Такой процесс работы одинаково касался и переводов на марийский, мордовский, чувашский и другие языки. Даже при строгой установке синода следовать букве канонического текста переводы проверялись «знающими сии языки священниками и самими чувашами и черемисами различных селений, сколько можно было, старались избегать тех слов, кои были для них невняты; а объясняли их выражениями везде употребительнейшими» (Из рапорта архиепископа казанского и симбирского Синоду.— Синод. архив, Д. 1803 г. генваря 3 дня, № 460, ЛЛ. 93, 94. Цит. по кн. Ильминский 1885:105).

Факты проверки переводов имеются и по удмуртскому язы-

ку. Так, перевод четвероевангелия от 1824 г., осуществленный по частям священнослужителями разных мест, «для большей в нем исправности, неоднократно был просматриван разумеющими язык вотякский духовными и светскими лицами, сверх того исправлен и читан во многих вотякских селениях и наконец признан повсеместно для вотяков вразумительным...» (Известия, 1824, III, 119—120). К концу XIX в. составление переводов поручается удмуртам, знающим несколько наречий. «затем изготовленные переводы исправляются путем чтения их с учениками Казанской учительской семинарии, уроженцами разных вотских местностей» (Михеев 1900:194).

Как результат таких проверок, уже в издании евангелий от 1847 года на глазовском наречии приводятся региональные дублеты без пометы на определенный диалект, на сарапульском наречии — региональные дублеты глазовского наречия; такую же картину видим и в текстах поздних изданий, например, в «Священной истории...» 1877 г., учебных пособиях В. Ислентьева 1888—1889 годов и т. д. В некоторых памятниках, например, в «Чине исповедания и како причащати больного» 1897 г., приводятся диалектные соответствия и на фонетическом, и на морфологическом, и на лексическом уровнях.

Наддиалектность литературного языка может проявляться в двух планах: 1) в структурном обособлении от территориального диалекта, т. е. в отказе от узкорегionalных черт одного диалекта или в объединении признаков разных диалектов; 2) в функционально-стилистическом обособлении...» (Гухман, Семенюк 1977:442). На рассматриваемом этапе становления удмуртского письменно-литературного языка в плане структурного обособления от территориальных диалектов более характерно объединение разнодиалектных признаков с единичными случаями отказа от узкорегionalных черт. Например, к концу XIX в., по нашему мнению, не находил уже отражения только огубленный вариант фонемы (e), распространенный в говорах Казанской и в граничащих с ними некоторых говорах Вятской губернии. Даже вывод об относительном ограничении узкорегionalных черт не может быть категоричным, т. к. иногда затруднительно определить, какой вариант фонемы передан графемами *ö* и *o* в том или ином памятнике письменности. Так, в «Произведениях...» Б. Гаврилова неогубленный вариант, видимо, передан графемой *ö*, которая встречается в записях Глазовского уезда, а в фиксациях Малмыжского уезда Вятской губернии и Казанской губернии встречаются параллельно обе графемы. Параллель-

ность употребления обеих графем замечается и в «Священной истории...» 1877 года. В «Букваре для вотяцких детей Сарапульского уезда» 1882 г. и в «Букваре для вотских детей» 1888 г., изданных в Казани, находим только *ö*, которая «произносится как *э*, но только гортанью». В учебных пособиях В. Ислентьева, в отличие от «Произведений...» Б. Гаврилова,

принятая единственная буква *ö* обозначает звук средний между *э* и *о* (Ислентьев 1889:3).

Узкорегинальные варианты фонем в памятниках этого периода находили обозначение графемами *н̣*, *ÿ*, *ы̣*, *ј*. Последняя графема в анлауте в Казанской губернии читалась как */d'/*, в Вятской губернии — */j/*.

Исключительным фактом в развитии удмуртского письменно-литературного языка конца XIX в. является работа Г. Верещагина «О книгах на вотском языке», где автор поднимает ряд языковых проблем и ставит вопрос о создании единого языка для всех удмуртов, анализирует существующую удмурт-

скую графику и предлагает исключить знаки *ö* и *у*, как буквы, обозначающие узкодиалектные звуки. Однако отказ от обозначения узкорегинальных вариантов *н̣*, *ÿ*, *ј* был осуществлен лишь в период 1918—1933 годов (Вахрушев 1976:40).

Развитие лексики в письменных памятниках разного содержания происходило в связи со становлением стилей, что в свою очередь способствовало росту наддиалектных образований. Обособленность от диалектных образований свидетельствуется и тем, что даже язык произведений религиозного содержания нельзя полностью противопоставить языку удмуртского фольклора, т. к. для переводчиков в качестве эталона служил общенародный язык. Как образцы народного языка, например, в 1880 году были изданы «Произведения...» Б. Гаврилова (Витевский 1892:32).

Язык памятников переводного характера в свою очередь отличен от народного языка тем, что в первых наблюдается искусственность языка, с индивидуальным языком переводчика в языке памятников имеет место целенаправленное, а иногда просто механическое вклинивание в удмуртский язык иноязычных элементов. Так, имеются факты, что некоторые ранние удмуртские переводы выполнены крещеными татарами, некоторые переводы осуществлены с церковно-славянского, русского или татарского языка. Последние тексты имеют на себе отчетливую печать языка оригинала или посредника. Это нам дает основание язык таких произведений не приравнять тер-

риториальному диалекту, а рассматривать как наддиалектное образование с признаками того или иного диалекта.

Представляется, что язык последующих изданий переводного, а также и непереводного характера уже трудно соотнести с определенным диалектом. Хотя по близкородственным языкам имеется тенденция считать диалектную основу некоторых памятников непредставленной на современных диалектологических картах (Феоктистов 1968:222), нельзя также игнорировать возможную наддиалектность их языка. Определенный интерес представляет мнение В. К. Кельмакова, которое мы полностью разделяем, о языке И. С. Михеева в «Первой книге для чтения...», что он не отражает какой-то третий диалект, отличный от казанского или вятского, просто автор не ограничивался ему родным казанским диалектом, а приводил междиалектные дублеты (Кельмаков 1969в:43).

Нельзя также приравнивать к территориальному диалекту язык календарей для удмуртов на 1905, 1907, 1908 и 1910 годы, которые составлялись и издавались для всего удмуртского населения просветителями — уроженцами Казанской губернии И. С. Михеевым и И. В. Яковлевым.

И в последующих переводах, а также оригинальных стихотворениях и поэмах, хотя переводчики и составители сохраняли колорит своего родного диалекта, мы не склонны рассматривать их язык территориально-ограниченно, т. к. они по своей социальной направленности не замыкаются в рамках того или иного диалекта, а по структуре, композиции, художественным приемам, ритмико-интонационному строю и языку близки к фольклорным произведениям.

Итак, памятники рассматриваемого периода хотя несут отпечаток того или иного диалекта, их язык нельзя приравнивать к территориальному диалекту. Незначительные разнодиалектные компоненты в памятниках удмуртской письменности XIX в. не противостоят единству и целостности письменно-литературного языка. Наддиалектный язык начинает складываться объединением признаков разных диалектов, влиянием интердиалекта фольклора, развитием стилей языка и сильным иноязычным влиянием на письменно-литературный язык. В конечном итоге иноязычное влияние привело к небольшому отрыву от народного языка, что обнаружится исследователями в послеоктябрьский период.

XIX век — это время сложения тех письменных традиций, которые повлияли на развитие удмуртского литературного языка и в послеоктябрьский период.